

БОЛЬНИЦА В ЕЛИЗАВТИНЕ

(Краткий исторический очерк)

Часть 1-я

27 декабря 2015 года исполнится 110 лет со дня основания больницы в посёлке Елизаветине Ленинградской области. За это время медицинское учреждение пережило не один сложный и трудный период.

В больнице трудилось немало замечательных людей, помогающих сохранять здоровье людей, проживающих в этих отдалённых местах, расположенных в приграничье между нынешними Гатчинским и Ломоносовским районами.

Рассказ об истории Елизаветинской больницы тем более необходим для наших современников, что постройка и организация этой больницы являются примером значительного и самоотверженного труда земской организации в дореволюционной России по оказанию медицинской помощи сельскому населению.

На территории нынешнего Гатчинского района Елизаветинская больница стала первой земской больницей, построенной по специальному проекту! Вторая такая земская больница, Гатчинская, появилась только в 1913 году.

В 1870 году на Балтийской и Псковско-Рижской железных дорогах была построена станция 3-го класса. Вскоре рядом с ней образовался посёлок, названный Елизаветино: по имени находящейся неподалёку усадьбы княгини Елизаветы Эсперовны Трубецкой.

Поскольку княгиня сыграла определённую роль в становлении Елизаветинского земского медицинского участка и в создании земской больницы на нём, коротко расскажу об этой женщине.

Княгиня Елизавета Эсперовна Трубецкая (1834 – 1907) была дочерью князя Эспера Александровича Белосельского-Белозерского, генерал-майора, и фрейлины Елены Павловны Бибиковой. Князь в молодости служил в одном полку (лейб-гвардии Гусарском) с М.Ю. Лермонтовым, изобразившим князя на своей акварели «Два флигель-адъютанта».

В 17 лет княжна Елизавета, фрейлина Великой Княгини Марии Александровны, стала супругой князя Петра Никитича Трубецкого.

В 1852 году Трубецкой приобрёл для жены усадьбу Дылицы, расположенную вблизи

одноимённой деревни. Ради благозвучия, усадьбу назвали

Е.Э. Белосельская-Белозерская.
Портрет работы Ф.К. Винтерхальтера

Елизаветино, в честь Императрицы Елизаветы Петровны, когда-то бывавшей в этих местах.

Позднее Елизавета Эсперовна Трубецкая заняла достойное место в свете; была хозяйкой салонов, которые посещали известные политики и люди искусства; собирала материалы о роде Трубецких; в 1870-х годах была посредницей в налаживании русско-французских отношений.

Кроме того, княгиня Трубецкая сочиняла музыку, писала и издавала литературные произведения. При этом она была наивна, излишне доверяла людям. Один из жителей Елизаветина того времени, когда пожилая княгиня часто жила там, вспоминал:

«Крестьяне называли чудаковатую, на их взгляд, княгиню барыней и, пользуясь случаем, под разными предлогами приходили к дворцу с поздравлениями, чтоб получить подарки... Княгиня в хозяйстве ничего не понимала и не желала понимать. Если ей приходила иногда в голову фантазия вмешаться в хозяйство, то от этого получалась только путаница. Управляющие менялись часто и, набив карманы, безнаказанно уходили. Княгиню постоянно обманывали и в особенности в последние 2 – 3 года жизни, когда у неё очень ослабла память. Если в имении не было коров, ей показывали чужое стадо. Много рассказов ходило о всевозможных проделках её служащих...».

Княгиня много сил и средств уделяла благотворительности. Так, она была помощницей попечительницы петербургского «Приюта княгинь Белосельских-Белозерских», основанного её матерью в 1839 году. В 1868 году уже сама Елизавета Эсперовна стала председательницей «Общества бесплатной раздачи хлеба».

ОРГАНИЗАЦИЯ ЕЛИЗАВЕТИНСКОГО ЗЕМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО УЧАСТКА (1860 – 1903)

Во второй половине XIX века возникла необходимость организации медицинского обслуживания быстро увеличивающегося населения окрестностей Елизаветина. В 1860-х годах помощь оказывалась нанятым местными сельскими обществами доктором медицины Петром Евстафьевичем Зельгеймом, не имеющим здесь места для приёмов и бывающим лишь кратковременными наездами.

П.Е. Зельгейм (1830 – 1913) служил в это время сверхштатным врачом Мариинской больницы в Петербурге. После 1870 года он служил уже только в Петербурге. Последние годы жизни в чине действительного статского советника был врачом при Коммерческом училище.

Создание в Петербургской губернии в 1870-х годах земской медицинской организации тоже сразу и полностью не решило проблему медицинской помощи жителям Елизаветина, так как окрестные земли находились в ведении двух соседствующих уездов, Царскосельского и Петергофского, ни один из которых не брал на себя хлопоты и расходы по созданию здесь медицинского участка.

Сдвиг в лучшую сторону наступил только в 1886 году, когда в Царскосельском уезде появился Вохоновский земский медицинский участок с приёмным покоем в Вохоново, а на территории Петергофского уезда открылся земский фельдшерский участок в Старых Раглицах. В Вохонове работали врач Анна Михайловна Семёнова и фельдшер Леонид Глушинский. В 1897 году их

перевели в Тосно-Лисинский земский медицинский участок Царскосельского уезда, а в Вохоновский участок прибыли врач Прасковья Михайловна Зверева и фельдшер Афиноген Михайлов.

Однако сфера деятельности Вохоновского медицинского (врачебного) и Старораглицкого фельдшерского участков по-прежнему не охватывала целиком все окрестности Елизаветина. Надо было что-то предпринимать. В течение нескольких лет продолжались переговоры между земствами двух уездов и, наконец, в 1899 году было принято решение: с 1 января 1900 года открыть земский межъездный медицинский участок в Елизаветине, а Вохоновский приёмный покой и фельдшерский пункт в Старых Раглицах закрыть.

Местом для размещения нового приёмного покоя (небольшой больницы на 3 - 4 кровати, а также амбулатории) была избрана деревня Дылицы в имении княгини Е.Э. Трубецкой, а дом арендован у местного священника. По воспоминаниям местной жительницы Елены Ивановны Румянцевой, это был домик её бабушки, Ольги Григорьевны Фестинской. Помещение было небольшим, поэтому имелись лишь комната для аптеки, кабинет врача, маленькая и тёмная ожидальня и кухня с ванной. Во дворе находились ледник и баня-прачечная.

В штат приёмного покоя входили: врач, фельдшерица-акушерка и фельдшер. Врач получал 1500 рублей в год.

Две трети расходов по участку покрывало Царскосельское земство и одну треть – Петергофское. Селения, относящиеся к Петергофскому уезду, должен был дополнительно обслуживать врач Изварского лазарета Петербургского Воспитательного дома Игнатий Игнатьевич Вержбицкий, который через несколько лет стал врачом приёмного покоя в Дылицах.

Фактически медицинский участок начал работать с 22 мая 1900 года, когда сюда прибыл врач Владимир Пантелеймонович Краснуха (1867 – 1913), уроженец Петербурга, в это время уже активный член Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Через некоторое время в Дылицы приехала и новая фельдшерица-акушерка Ревекка Моисеевна Вейсблит, приглашённая врачом Краснухой, знавшим её по совместной партийной работе.

Владимир Пантелеймонович, коему было в это время 32 года, поселился в наёмной квартире на станции Елизаветино. Вейсблит же разместилась в мезонине приёмного покоя в Дылицах.

Р.М. Вейсблит (родилась около 1867) происходила из мещан. Окончила гимназию в Киеве и акушерские курсы в Кишинёве.

На попечении врача Краснухи и фельдшерицы-акушерки Вейсблит оказалась территория радиусом в девять верст, с 40 селениями, в которых жило свыше 6 тысяч человек. Из Царскосельского уезда сюда входили Туганицкое, Кастинское и Вохоновское сельские общества Старосквирицкой волости и деревня Сяськелево Гатчинской волости. В Петергофском уезде – Калитинское, Озерское, Заречское и Глумицкое сельские общества Сосницкой волости.

Началась тяжёлая повседневная работа. За неполный год в амбулатории на приёмах побывало 4410 человек, проведено 421 оспопрививание, принято 6 родов. Всё хозяйство приёмного покоя вела фельдшерица-акушерка Вейсблит под наблюдением Краснухи.

Удивительно, но Краснуха находил время не только для лечебной и революционной деятельности, но занимался ещё и научными исследованиями. В 1901 году он выступил на 8-м Петербургском губернском санитарном съезде с

обширным докладом «К вопросу о пищевом довольствии коечных больных в земских лечебных заведениях». Текст доклада занял в напечатанных протоколах съезда 29 страниц!

В ночь с 17 на 18 апреля 1901 года Краснуха был задержан в Петербурге по делу о подготовке уличных беспорядков в день 1 мая; обыскан, но к расследованию на сей раз не привлекался, хотя был взят под негласный надзор полиции.

Под надзором находилась и Вейсблит, попавшая под подозрение ещё 6 ноября 1900 года в Петербурге в числе лиц, переписанных полицией в квартире статского советника Стасова во время чтения реферата «Кризис марксизма».

Краснуха и Вейсблит и в Елизаветине продолжали революционную деятельность. Они включились в работу Петербургской организации «Искра». В квартире Краснухи в августе 1902 года прошло совещание «Искры» о текущих партийных задачах. Помимо хозяина и Вейсблит, собрались: В.Ф. Кожевникова - фельдшерица из Новгородской губернии; искровцы из Петербурга – Е.Д. Стасова и И.И. Радченко. Этому совещанию предшествовала большая организационная работа, в ходе которой Краснуха (якобы с научной целью) выезжал в Европу, где побывал в Париже и Лондоне. Здесь он встречался с Лениным и другими революционерами. Вот что пишет об этом Н. К. Крупская:

«...Для переговоров по организационным вопросам 6 августа приехал из Питера тов. Краснуха с паролем «Читали ли вы «Гражданин» № 47?». С тех пор он пошёл у нас под кличкой «Гражданин»... Из Лондона «Гражданин» отправился в Женеву потолковать с Плехановым и окончательно «обискриться».

4 ноября 1902 года одновременно в Петербурге, Пскове, Торжке, Новгороде и на станции Елизаветино полиция произвела обыски и аресты лиц, которые подозревались в революционной деятельности.

В протоколе обыска на квартире Владимира Пантелеймоновича записано:

«У земского врача В.П. Краснухи, в момент появления чинов полиции на обыск, в печке была замечена только что сгоревшая бумага. Извлечённые остатки пепла имеют ясные следы цифр зашифрованного текста. Во время обыска к нему явилась его знакомая, фельдшерица той же Елизаветинской больницы в селе Дылицы, Петергофского уезда, Р.М. Вейсблит, у которой вслед за сим также произведён обыск, обнаруживший в люке ватерклозета, засыпанный золой узел, по извлечении которого в нём оказались: альбом с большим количеством карточек; переписка, требующая детального рассмотрения, и паспортные книжки и плакаты, ещё не бывшие в употреблении».

Краснуха и Вейсблит были арестованы и некоторое время содержались под стражей в Петербургском Доме предварительного заключения. Дальнейшая судьба Краснухи была описана в многочисленных публикациях (смотри, например, мою статью «Искровец из Елизаветино» в газете «Гатчинская Правда» от 8 февраля 1975 года).

Единственное уточнение: после ареста и содержания под стражей, Краснуха уже не работал в Елизаветинской больнице (точнее сказать, в приёмном покое), хотя в документах полиции достаточно долго существовало ошибочные указания на то, что Краснуха после освобождения из-под стражи некоторое время находился на прежнем месте работы на станции Елизаветино. Ошибка обнаружена только в октябре 1906 года. Оказалось, что в

Петербургской губернии существовали тогда две станции, носящие имя Елизаветино: одна из них – в Петергофском уезде, а другая – в Шлиссельбургском, где и стал служить Краснуха после освобождения.

А вот Вейсблит, освобожденная 20 октября 1903 года, сразу выбыла из Петербурга якобы в Одессу на жительство, но там полицией так и не была обнаружена, и помещена в циркуляр о повсеместном розыске. По Высочайшему повелению 26 мая 1904 года ей определено вменить в наказание предварительное заключение. О дальнейшей судьбе Р.М. Вейсблит мне ничего не известно.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ